Хромов О.Р.

Подмосковные вотчины Алексея Михайловича.
Предварительные тезисы к восприятию стиля царских усадеб.

Многочисленные работы по истории русской усадьбы времён Алексея Михайловича достаточно подробно рисуют хозяйственный быт, описывают сады, дают представления об их символике. Но крайне мало строк посвящено замыслу усадьбы, её программе. Она как бы не существует. Принято считать, что загородный дворец /вообще дворец/ построенный в соответствие с заранее обдуманным планом, воплощающим определённую мысль появляется в России в ХУШ столетии; до сего времени дворцовые постройки возводились хаотично, например, в связи с прибавлением семейства монарха и т.п.[1]

Такая картина, на наш взгляд, является недостаточно точной. Маловероятно, чтобы высокообразованный самодержец Алексей Михайлович устраивал свои Подмосковные просто так, без какого-либо плана. Любитель церемониалов, он ритуализировал многии стороны своей жизни: будь то развлечения /охота/, богомолье, раздача милостыни. Каждое действие было наполнено глубоким смыслом, носило зрелищный характер, адресовалось определённому"зрителю", устраивалось в соответствии с зарание "уряженным" чином /порядком/.

Своеобразная "театрализованность" поведения монарха требовала "строгих декораций", которые должны были однозначно восприниматься публикой. Такими "декорациями" будут интерьеры комнат, наряд государя, его свита, устройство посольского поезда и, конечно, усадьба. Понять значение последней мы можем только благодаря "зрителям", их впечатлениям.

I. Историки архитектуры часто цитируют слова Витрувия о

том, что архитектура - застывшая в камне музыка. Действительно она подчинена в той же мере, что и музыка гармонической системе, и в этом отношение несёт определённую смысловую нагрузку, раскрывающуюся в соотношении чисел, в ритме, выдающую "секрет" сооружения. Говоря другими словами, музыка - язык "устный", мы её слышим. Архитектура - язык "зримый", её увидит и прочтёт "грамотный".

Обратимся к Петровским временам. Триумфы побед России. Триумфальные арки: их символика была понятна окружающим /не всем, но лишь "грамотным"/.[2] В век Екатерины архитектор В.И.Баженов устраивает целый город на Ходынском поле по случаю победы над турками; каждое строение его уподоблялось неприятелю или русскому воинству, тому или иному событию, связанному с триумфом. Это было ясно присутствующим.[3] Можно вспомнить историю с Царицыным. Екатерине не понравилась: быть может, масонская символика в убранстве дворца, быть может, крыша, напоминающая гроб/хотя оба эти домысла подвергнуты основательной критике И.Бондаренко, истинную причину он справедливо видел в планировке дворца - неудобство для жилья/.[4] Для нас ясно, что архитектурное строение, его украшения читались: второй случай - предвещение смерти /крыша - гроб, трубы - свечи/, первый - покушение на государственную власть/масоны/. Замечательно, что именно эти домыслы, основанные на традиции "чтения" памятника, получили распространение в народе.[5]

Итак, архитектура - книга, её можно прочесть и её "читали".[6] Даже иностранцу, в некоторых случаях, русская архитектура была понятна. Он её прочитывал: "Церкви построены на подобие небесного свода, что означает бесконечность, всемогущество Божие."[7]

2. Весь мир - книга, мотив известный и исследуемый во множестве работ, посвященных культуре барокко, но и книга - мир, например, "Вертоград многоцветный" Симеона Полоцкого, состоящий из "цветов" - букв. Это - "сад мысленный", образ идеального мира.[8]

Конструкция "книга - мир"/ мир, вселенная - слова, буква /9 вполне сопоставима с архитектурой, но здесь как бы происходит замена слова / буквы / на деталь убранства, архитектурный символ.[10]

3. Неотемлемая часть всякой усадьбы / загородной / - сад. Он может быть самостоятелен, подчиняться дворцу, дополнять его символами / уточнять "текст" дома /. Сад может сопоставляться с миром, раем, книгой; он также читаем.[11]

Ещё одно, без чего нельзя представить себе усадьбу: хозяйственные постройки и ограда. Первые могут быть спрятаны в тени сада или под оградой, они могут скрываться от глаз, не вносить уточнения в смысл "текста" усадьбы, но могут быть выпячены и уточнять его /например, караульные постройки, приказы в Коломенском, их видели, они дополняли "текст", усиливали в нём ноту официальности/. Навряд ли мы найдём в какой-либо усадьбе, претендующей на роль "уединённого уголка", на интимность, на первом плане караул или стражей у ворот. Они будут либо спрятаны или отсутствовать, либо составлять ненавязчивое украшение при въезде, например, львы на колонах ворот /сюжет распространенный в усадьбах ХУШ-XIX веков/.

Иное значение несла ограда. Она ограждала от мира и заключала мир иной - исключительный /огражденный/.[12] Важно, что "Соборное уложение" ограждает Государев двор от внешнего мира особой "честью Государева двора". Строит мысленную ограду вокруг того места, где "/.../изволит царьское величество в объезде быти/.../".[13]

Таким образом, усадьба Государя "ограждена". Это -мир иной, исключительный, посягательство на него равно посягательству на дом Божий - церковь /за что следует равное наказание по"Уложению"/.[14] Это - книга, страницы которой составляют "дом" и "сад" огражденные. Застывший в них "текст" оживает, становится произносимым при обращении к ним, особенно при торжественных церемониалах.

4. "И по его Государеву указу никакой бы вещи без благочиния и без устроения уряженнаго и удивительнаго не было; и чтобы всякой вещи честь и чин и образец писанием предложен был, по тому: хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна, - никто же зазрить, никто же похулить, всякий похвалит, всякий прославит и удивится, что и малой вещи честь и чин и образец положен по мере. А честь и чин, и образец всякой вещи большой и малой учинён по тому: честь укрепляет и утверждает крепость: урядство же уставляет и объявляет красоту и удивление; стройство же предлагает дело; без чести же малится и не славится ум; без чина же всякая вещь не утвердится и не укрепится; безстройство же теряет дело и возставляет безделье. Всякий же читателю почитай, и разумевай, и узнавай, а нас, слагателя, похваляй, а не осуждай.

Что всякой вещи потреба? Меряние, сличие, составление, укрепление; по том в ней, или около ея: благочиние, устроение, уряжение. Всякая же вещь без добрыя меры и иных вышеписанных вещей бездельна есть и не может составится и укрепиться."[15] Так "уложил" царь Алексей Михайлович в "Уряднике сокольничего пути". Порядок, "стройство" - основа всякой вещи, если она должна быть, говоря современным языком, хороша. Конечно, задуманный порядок воплощался и в усадьбе. Она отделялась от внешнего мира /см. предыдущий пункт/, являлась сама "миром огражденным", что требовало и внутреннего её особенного устройства.

В сущности, каждая усадьба составлялась из одних и тех же элементов: сада, дворца, хозяйственных построек/служебных/, ограды. При этом в зависимости от того, какой элемент/текст/ выступал на первое место, определялось значение усадьбы, её место в системе дворцовых сел, то есть порядок. Например, Измайлово. Вот впечатление от его посещения голандских послов: "/.../поехали к теплицам

его царского величества, где мы заодно видели сад, и виноградный питомник его величества. Один сад, который был заперт, был величеною моргенов в 20 земли."[16] Это - главный элемент, который имелся в Измайловской усадьбе, он первым бросился в глаза.[38] В другом месте послы отметили "прекрасный летний дворец царя", но тут же перешли к описанию теплиц, "оранжереи с цветником".[17] Так что не дворец составлял главное достоинство усадьбы. Иная картина в Коломенском. Те же послы отмечали: "/.../ приблизительно на расстоянии одной мили от Москвы принадлежащее его величеству Коломенское, весма искусно построенное из деревянных балок, со многими комнатами, некоторые из последних, как например, аудиенц-зал украшены богатой живописью. Здесь же находится и деревянная восьмигранная башня, построенная из бревен, мастерски соединенных. Она искусно наклонена вперёд."[18] Как видим, иностранцы, бывшие в разных усадьбах, заметили их достоинство, точно зафиксировали главные среди "элементов" той или иной усадьбы. Любопытно, что посещение ими Покровского и Семеновского не оставило никаких впечатлений.[19] Интересно, что показываются далеко не все усадьбы, а лишь некоторые, чаще всего Измайлово, Преображенское, Коломенское.

"/.../без чина же всякая вещь не утвердится, и не укрепится /.../", - говорил царь Алексей Михайлович.[20] Любовь к порядку в каждом деле, по словам И.Е.Забелина, не была только теоретическим представлением в уме царя, но скорее всего была выводом практического применения, "этих истин в действительности".[21] Видимо, в выборе посещения тех или иных усадеб и скрывался необходимый для всякой вещи порядок. Он таился в значении этих усадеб, которое давал им московский Государь. Через то, как посещали усадьбы, что прежде всего видели в них, что бросалось в глаза "зрителям", мы можем нащупать значение той или иной Подмосковной, её программу.

6. Помимо мемуаров инстранцев имеется ещё один источник московского происхождения, позволяющий нам говорить о назначении усадьбы. Это - цикл Симеона Полоцкого на новоселье/в Коломенском/.[22] Уподобления, к которым прибегает поэт, указывают на назначение и стиль усадьбы, и что более важно, на воплощение идеи усадьбы в архитектурном решении дворца. "Дом" уподобляется "Соломонову дому", через него раскрывается мудрость царя /"дом" становится двойником монарха/, но мудрость эта приобретает особый характер. Она раскрывается через описание интерьеров дворца - западноевропейских по своему происхождению, новых для московского быта /части мира, зодиак и т.п./. Этим в глазах русских определяется исключительная мудрость Алексея Михайловича, олицетворяемого с библейским Соломоном, образом традиционным для восхваления самодержца. Важно, что мудрость Государя выражается через обращение к предметам европейской культуры. Таким образом, стиль Коломенского дворца по "Приветству" Симеона Полоцкого был ориентирован на Запад,[23] что подтверждается описаниями современников; с другой стороны, план дворца был традиционен для русского деревянного зодчества.[24] В результате появилось сооружение самобытное: украшенное декором, полностью в новом вкусе, но по форме и даже материалу оно оставалось традиционным: "/.. в пестром стиле, составляющем отличительную черту русско-восточных зданий," - так характеризовал русскую архитектуру Эрих Пальмквист /1674 год/.[25] Примерно то же ощущение было у Якоба Рейтенфельса:" /.../ весь он /Коломенский дворец - О.Х./ кажется только что вынутым из ларца, благодаря удивительным образом искусно исполненным резным украшениям блистающим позолотою."[26] Действительно дворец поражал и удивлял иностранцев/см. отзывы Гнинского, Лизека, Дюкова/.[27]

7. Стиль Коломенского дворца ориентирован на Запад в понимание Алексея Михаиловича, что не вызывает поддержки у иностранцев, а оставляет, напротив, впечатление пестрой экзотичности. В чем причина подобного противоречия? На наш взгляд, ответ мы найдем в поведении монарха, наблюдать которое удобнее всего в церемониале. В данном случае для нас важны не детали этикета, а то впечатление, которое он производил на иностранцев, и то значение, которое придавали ему русские. Нет смысла приводить слова Котошихина о встрече в Москве различных посольств. Важно, что они /встречи/ строились в соответствии с международной иерархией государей. Поэтому важно, что прием послов /представителей первого монарха /цесарского/ в Европе/ производился в Коломенском. Последующие в Новой столовой палате Кремля /не в Грановитой или Золотой, как при отце Алексея Михаиловича/; замечательно, что она была украшена новой живописной композицией "Бегов небесных", ранее не имевшей места на Руси, но служившей неотъемлемой частью росписей многих европейских дворцов.[28]

Сохранился отзыв послов о приеме в Коломенском, записанный русскими современниками. "А как были у Великого Государя, у Е. Цар. Вел-ва, и из хором вышли и дворцом идучи говорили, что В.Г., Е.Цар. Вел-во, и сын его Государской, Государь Царевичь на своих Государских престолех сидели зело светлы и в Государских хоромех всякой уряд зело строен, так же и при них, В.Г-рех, их Государские бояре и думные и иные ближние чиновные люди добре нарядны. А про рынды говорили, тому чину при них В.Г-рех, быть простойно и таких де чинов и урядства, в иных ни в которых государствах они не видивали. Также и надворной строй, пушки и пехоту стрелцов, и у них ружье и всякое дворовое строенье, безмерно похваляли. А как приехали к указному месту к шатру и посланники, смотря на село Коломенское всякое строенье похваляли же и говорили, что то село на самом высоком и красном месте построено зело хорошо и ни у которого Государя так из дерева построить не умеют."[29]

Как видим, прием был красив и вполне соответствовал представлениям цесарских послов об этикете и даже более - "безмерно похваляли". Однако, аудиенция имела и свои экзотические моменты, непривычные для глаз подданных цесаря - рынды/"/.../ такому чину /.../ и урядству в иных ни в которых государствах они не видывали."/. Опять-таки цесарцами особо отмечен Коломенский дворец.

Восприятие посольского приема, как ничуть ни уступающего цесарскому, было замечательно для двора Алексея Михайловича. Одной из проблем, решаемых посольством, был вопрос о придворных обрядах- как титуловать императора и царя, как брать грамоты при отъезде. Аргументация Артамона Матвеева была традиционна: " Так как цесарь /Леопольд -О.Х./ и Алексей Михайлович братья и ведут свои роды от Августа, то и титуловать их следует одинаково, и этикет приемов должен быть одинаковым." Здесь не обошлось без споров. Секретарь посольства Лизек подробно записал их.[30]

Не будем вдаваться в детали, для нас в данной ситуации показательно, что царь Алексей Михайлович выступает как "вселенский монарх - Август", равный Цесарю Римскому, в силу чего и каждый обряд, каждая аудиенция строились в соответствии с представлениями Московского Государя о "вселенском монархе".

Быть может, поэтому первый прием был устроен в Коломенском - усадьбе-двойнике Алексея Михайловича, символе царской власти, уподобленной церкви - "дому Бога".[31] Усадьбе, которая выступала "второй столицей", по крайней мере брала на себя некоторые функции столицы /впрочем как и Преображенское/, например, в Коломенском оказаны приёмы многим посольствам /значительно реже подобное случалось только в Преображенском/; праздник Обретения Честного и Животворящего Креста,по случаю которого были устроены пышные торжества в Коломенском, с произнесением виршей Симеоном Полоцким, до сих пор Алексей Михайлович праздновал его лишь в столице.

Итак, Коломенское и подобное ему официальное сооружение - "декорация" к "поведению вселенского монарха"/Алексея Михайловича/, и она строго регламентирована, подчинена его/монарха/ действиям. Но идея царской власти, воплощенная в устройстве дворца, усадьбы была не совсем понятна иностранцу. В постройках они видели больше "пестроты", дикости - блеска, великолепия, роскоши, которые "не могли не восхитить", "не могли не поразить" смотрящих, как и вообще московские обряды.[32]

8. "/.../ Во время моего добровольного скитания, - всего более удивился /Рейтенфельс - О.Х./ во время путешествия в Московию /.../, что у большинства европейских народов производится всюду одинаково, то все у Мосхов происходило иначе, совершенно отлично от народов всего земного шара."[33]

В чем истоки этого отличия? Якоб Рейтенфельс видел их в сплетении греческих и скифских обрядов.[34] Видимо, он прав, но лишь отчасти, ибо так рассуждая, автор записок подразумевает более народные обычаи, хотя сказанное им относится и к царскому двору, но лишь отчасти. Смысл "пестроты" интерьеров, декора царского дома раскрывается в "поведении" Государя, в том как представляется ему и царская власть.

Алексей Михайлович осознавал себя наследником византийских императоров. Он - единственный православный царь,[35] и в этом смысле монарх вселенский - исключительный, но наследие Византии являлось недостаточным для принятия титула вселенского царя в политическом смысле. Отсюда воскресение идеи времен Грозного - Московский Государь - потомок Августа. Это было более существенно в европейской политической иерархии и давало право выступать наравне с цесарем.[36]

В силу сложившихся политических обстоятельств двойственность концепции "Москва - третий Рим"[37] проявлялась непосредственно и определяла официальное поведение московского государя и устройство его быта, с одной стороны. С другой, она по существу сталкивала два различных стиля культуры: Византийского и Европейского, причем требовалось их единство, что и явилось причиной "пестроты" царского быта.

Царь Алексей Михайлович - главное действующее лицо. Он хозяин усадеб, дворцов, и вполне естественно, что последние создаются под его надзором, они отвечают его вкусам, соответствуют его поведению и отвечают идеологической концепции царской власти, что и является "ключом" к пониманию восприятия усадьбы, "царского дома" русскими и иностранцами, пониманию их стиля.

Примечания.

I. Такая точка зрения присутствует в большем числе искусствоведческих и исторических сочинениях о русской усадьбе. Наиболее последовательно она проводится в книге Некрасова А.И. "Древние подмосковные. Александрова слобода, Коломенское, Измайлово." М., 1923.

2. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 СПб., 1840, с.93-96.

3. Торжества на Ходынском поле сразу были задуманы как повторение воинских побед. Однако малопонятные народу аллегории, античные храмы, обелиски и другие символы были заменены по приказу Екатерины по существу "планом" панорамы войны. Аллегории уступили место ясным для всех сооружениям крепостей, мостов, кораблей, шатров, означающих города, орды, степных народов и т.п.. См. Минеева К.И. Царицыно. Дворцово-парковый ансамбль. М., 1988, с.28-29, 26-27 гравюра "Панорама Ходынского поля" 1775 год /репродукция/; Разгонов С.

В.И. Баженов // М., 1985.

4. Бондаренко И. Подмосковные дворцы XVIII века. // Старые годы. 1911, март, с.11-32.

5. Определённой точки зрения на причину опалы В.И.Баженова нет. Ясно, что не последнюю роль здесь сыграла его связь с Новиковым. Тем не менее, Екатерина сама назвала причину прекращения строительства: неудобство для жилья/"своды тяжелы, лестницы узки" и т. п./ Еремин Г. Века истории Царицына // Встречи с историей. Научно-популярные очерки. М., 1987, с.121; Минеева К.И. Указ. соч. с.68. Однако в народе твердо закрепился слух, что причина всему "чтение памятника". В этой связи любопытны строки из "Царицынской ночи" И.В.Киреевского. "Завязался спор; но скоро остановило его новое явление: из-за рощи показался гроб - царский дворец.

"Все строенья Баженова, - сказал Бельский, - замечательны какою-нибудь мыслью, которую он умел передать своим камням, и мысль эта почти всегда печальная и вместе странная. Кому бы пришло в голову сделать гроб из потешного дворца Екатерины? А между тем какая высокая поэзия: слить земное величие с памятью о смерти и самую пышность царского дворца заставить говорить о непрочности земных благ. Этот недавний дворец для меня красноречивее всех развалин Рима и Гишпании".

"Он сам развалина, - сказал Фальк, - Екатерина никогда не живала в нем, и от самого построенья он оставался пустым, а теперь без окон и дверей. Мысль поэта-художника, говорят, не понравилась государыне." Марьина роща. Московская романтическая повесть. М., 1984, с.101.

6. Об этом много писали. Среди новых работ: Булев Т. Язык архитектуры. // Советское искусствознание. М., 1987, вып. 22, с.57-66; Глазычев В.Л. Поэтика городской среды. // Эстетическая выразительность города. М., 1986, с.130-157. и другие.

7. Седерберг Г. Заметки о религии и нравах русского народа во время пребывания в России в 1709 - 1718. // ЧОИДР. 1873, кн. 2, с.11.

8. Лихачев Д.С. Поэзия садов. Л., 1982, с.17,40,106-109; Симеон Полоцкий утверждал "мир есть книга". См. Звонарева Л.У. Натурфилософские представления Симеона Полоцкого. // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988, с.248.

9. Идея, восходящая к "Библии" см. Быт.1,3,6; Пс.32,6; Ин.1,3.

10. Ср. Булев Т. Указ соч. с.55-56.

11. Лихачев Д.С. Указ. соч. гл. 1-3.

12. Любопытно сравнение "рая огражденного" и "сада огражденного") см. Лихачев Д.С. Поэзия садов. Л., 1982, с.45-46.

13. Соборное уложение 1649 года. Текст и коммент. Л., 1987, с. 22, ст. 6.

14. "В статьях /1-2 гл.3 Соборного уложения "О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакова бесчиньства и брани не было" - О.Х./ предусматривалось тюремное заключение и выплата бесчестья за оскорбление кого-либо словом или действием на царском дворе. Эти статьи анологичны ст. ст. 6 и 7 гл.1 /"А в ней 9 статей о богохульниках и о церковных мятежниках" - заглавие гл.1 - О.Х./, устанавливавшим батоги и тюремное заключение за совершение таких преступлений в церкви. Эти же составы преступлений, но совершенные вне церкви и царского двора, влекли за собой лишь выплату бесчесть) Российское законадательство X-XX веков. М., 1985, т.3 с.267 /коммент. к ст.1-2 С.И. Штамм/.

15. Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением "Урядника сокольничего пути" М., 1856, с.89-90.

16. Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900, с.312.

17. Там же с.524.

18. Там же с.524.

19. Там же с. 466.

20. Собрание писем царя Алексея Михайловича... с.90.

21. Забелин И.Е. Черты русской жизни ХУП ст. // Отечественные записки. 1857, т.110,№ 1, с.339.

22. Симеон Полоцкий. Рифмологион. ГИМ, Синод. 287, л.381-387. Цикл состоит из пяти "Приветств" всем членам царской семьи. Первое -Алексею Михайловичу издано см. "Русская силлабическая поэзия ХУП--ХУШ веков" Л.,1970, с.108-111; Симеон Полоцкий. Избр. соч. М.-Л., 1 1953, с.103-108.

23. К анологичным выводам на анализе иного материала пришёл И.А.Бондаренко "Тот же идеализированный образ жилища "земного бога" и наследника царей прошлого нашел свое воплощение в архитектуре дворца Алексея Михайловича в Коломенском. Традиционная русская композиция рубленых хором в данном случае была облечена в причудливые формы некоего сказочного града. Симеон Полоцкий так и писал об этом дворце: "Множестви жилищь градови равнится..." - и далее: "По царствеи чести и домъ зело честный, несть лучше его, разве дом небесный". Это был не столько результат длительной эволюции народного жилища, сколько самобытная архитектурная фантазия на основе целого ряда "образцов и переводов", в основном, по-видимому, европейского происхождения." Бондаренко И.А. Перерождение средневековых традиций в русской художественной культуре ХУП века. // Советское искусствознание. М., 1988, вып.23, с.74.

24. Хромов О.Р. Коломенские львы. // Русская речь. 1989, № 1; Хромов О.Р. "Приветство" Симеона Полоцкого на "вселение" Алексея Михайловича в Коломенский дворец как исторический источник. // Вспомогательные исторические дисциплины /в печати/.

25. Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. СПб., 1896, с.4.

26. Рейтенфельс Я. Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии. Падуя 1680. М., 1905, с.93.

27. Посольство Кунраада фан Кленка...; Донесение польских послов Яна Гнинского и Киприана Брестовского польскому королю Михаилу Вишневецкому. // Снегирёв И.М. Русская старина. М., 1857, год пятый, с.36-38; Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 году. // ЖМНП, 1837, № II, с.327-396; Григорий Дусиков Описание Коломенского, записанное толмачом Юрием Сухановым. ЦГАДА, ф.100, дело № 2, л.494-496. За указание на этот источник благодарю А.М.Кантора, научного сотрудника музея-заповедника "Коломенское".

28. Хромов О.Р."Звездотечное небесное движение, двенадцать месяцев и беги небесные". // Русская речь. 1987, № 4, с.134-138.

29. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб, 1858, т.5, с.158. Любопытно, что русских в Европе прежде всего поражало каменное строение. "/.../ про Варгав карабельщики сказывали, что городок камен, мал и худ,/.../"; "А город Скарбар камен, не велик,/.../"; "А город Хуль камен и домов в нём много, а домы все камены/.../"; " /.../ а город Мятимгам камен не велик, а в городе дворов немного; а посад не велик же, а домы все каменые". /Статейный список Ф.А.Писемского/Англия//. "А город Лунда Вышегород камен, не велик/.../" /Статейный список Г.И. Микулин /Англия//. "/.../ и домы в нем великие и строенье всякое в том городе каменное." /Статейный список П.И. Потемкина /Франция//. Путешествия русских послов в XVI -XVII вв. Статейные списки. М.-Л., 1954, с. 105, 105, 106, 162, 245. Иностранцев в России - дерево. Сооружение из дерева для них было уже экзотично, непривычно, сказочно чудесно.

30. ЖМНП, 1837, № II, с.327-396.

31. Симеон Полоцкий в"Приветстве" старшим царевнам пишет:

"Божию храму он /Коломенский дворец - О.Х./ уподобися,

входа вашего /царевен - О.Х./ егда сподобися."

ГИМ, Синод. 287, л.385 об..

32. См., например, указанные выше мемуары иностранцев. Прием в Коломенском действительно был удивительно пышным. Через некоторое время посланников пригласили наблюдать въезд царского поезда из Троицы в Москву, для них были специально устроены "трибуны" подле села Алексеева. Заметив разницу в этикете "Посланники ж спрашивали о золоченных пушках, а на полседи ныне нигде они их не видят. И посланником сказано, что те пушки бывают у двора /.../ в подмосковных селах, в Преображенском, в Коломенском и на Воробьеве, когда изволит В. Г., Е. Цар. Вел-во, в тех помянутых селех пребывать." Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1858, т.5, стлб. 305.

33. Рейтенфельс... с.147.

34. Там же с.146.

35. Вторым свободным Православным царём был Грузинский государь, но его держава не сопоставима по своему политическому значению с Россией.

36. Иллюстрацией к сказанному могут служить материалы, связанные с Цесарским посольством 1675 года см. ЖМНП. 1837, №II, с.327-396. Несмотря на то, что это родословие велось через Византию, оно восходило к Великому Риму, что особо подчеркивалось.

37. Лотман Ю.М. Успенский Б.А. Отзвуки концепции "Москва - третий Рим" в идеологии Петра Первого. // Художественный язык средневековья. М., 1982, с.237-238.

38. Аналогичные ощущения были у польских послов Яна Гнинского и Киприана Брестовского, ср. их описание Коломенского /см. в кн.: Снегирёв И.М. Русская старина. М., 1857, год пятый, с.36-38 /Донесение польских послов// и "Описание прогулки польского посла в с.Измайлово 1672 год." // Сборник Муханова. СПб., 1866 /изд.2/. Якоб Рейтенфельс писал: "Среди них /дворцов, т.е. усадеб - С.Л./ не последние место принадлежит селу Измайлову, обладающему знаменитым обширным садом с четырьмя высочайшими, широко раскрытыми воротами, со многими извивающимися дорожками. В расстоянии, приблизительно, полумили от него находится богатейший зверинец, или лучше сказать, лес обнесенный забором и наполненный стадами разных животных, а близ него изящное здание для приготовления лекарств с садом врачебных растений." Далее, Рейтенфельс пишит: " Таков же и Коломенский дворец...", но здесь нет ни единого слова о садах. Все внимание путешественника сосредоточено на дворце, представлявшемся ему игрушкой, чудом, вынутым из ларца. Рейтенфельс Я. Указ. соч. с.93. Интересно, что Коломенское имело шесть садов, а Измайлово только три и огород. Таким образом, не количество садов и дворцов или других сооружений определяло значение усадьбы, а то место, которое сад или дворец занимали. (Лихачев Д.С. Указ.соч. с. 106.)